

— Теперь ясно, почему брат мой так занят, почему даже меня пристроить не успел, и почему Чжэн Ши докладывал ему о налёте... — Мэн Чжэнь вытер со лба испарину. — Дикари разделили войско! Основные силы бьют по Гуцзану, а один отряд прокрался через расщелину и добрался до Цзююаня! Вот почему брат мой помчался назад — защищать город. Дикари, наверняка, с Северными Ди в сговоре, отвлекали внимание, чтобы ударить в другом месте! Брата моего отвлекли на Гуцзан, вот у него и не было времени за Цзююанем уследить!

Гу Тин постепенно сощурил глаза. Понял. Нет, пожалуй, дело не только в этом.

Выходит, Северные Ди затеяли нешуточную игру, растянули её надолго. Подослали лазутчиков, нашли сообщников внутри, объединились с подельниками, даже притворились слабыми — и всё чтобы увести Хо Яня подальше да заманить в ловушку. А первой серьёзной атакой, должно быть, был тот самый отряд, что прошёл через земли семьи Чжан из Юньчжуна и напал на Цзююань, пока никто не ждал. Он помнил ту картину: Хо Янь только что ушёл, скованный основными силами Северных Ди на границе, и ничего о Цзююане не знал. Враги нагрянули стремительно, речи их были сладки: «Приглашаем семью князя — Стража Севера в гости». Целью был не город, а родные Хо Яня. Если бы он, Гу Тин, не среагировал быстро, а Хо Янь не отправил назад Вэй Ле, та битва легко бы не кончилась.

И сейчас — та же история. Сыграли на оружии, оставшемся от покойного дяди князя Хо, чтобы заманить Хо Яня подальше и устроить западню. Достаточно было пустить слух о смерти князя — Стража Севера, и Цзююань охватила бы паника. В то же время дикарское войско сковало Гуцзан, чтобы у Мэн Цэ не было ни времени, ни возможности взглянуть на Цзююань, а маленький отряд дикарей тем временем штурмовал город... Даже если Хо Янь выживет, раскусит обман — что он сможет? Он слишком далеко, не успеет. Князь Гуцзана Мэн Цэ заметит неладное — ну и что? Цзююань ему не родной, ввязываться не станет. Помочь бы мог, если бы силы были, но Гуцзан-то сам под ударом, своя рубашка ближе к телу!

Северные Ди и хотели, чтобы все были заняты по горло, чтобы Цзююань стал городом-одиночкой, обречённым на гибель.

А если Хо Янь и выживет чудом, да Цзююань падёт, да родня князя — Стража Севера погибнет — что тогда страшного в одномоком Хо Яне?

Жестоко...

Недаром в прошлой жизни эта война далась так тяжело.

Гу Тин не ведал, что с Хо Янем сейчас, лишь молил, чтобы тот, как и в прошлый раз, не сдавался легко. Если уж он, Гу Тин, столько додумал, то Хо Янь наверняка сообразил ещё больше. Не нужно ему ни побед блистательных, ни подвигов лишних — только вернись живым и невредимым!

А что до текущего момента — раз план запущен, просто так он не остановится. Дикари раз пришли, просто так не уйдут, разве что обстоятельства переменится. Опасность для Цзююаня не миновала, и грядущие битвы за стены будут ещё суровее.

Успокоив Мэн Чжэня, Гу Тин отправился на поклон к вдовствующей княгине. Та ещё не совсем оправилась, несколько дней пила отвар, и сил у неё прибавилось, усталость отступила, могла поговорить. Гу Тин отдал положенные почести, помолчал с минуту и решил не скрывать — рассказал о положении дел и стал обсуждать приготовления ко всему, что может случиться.

Оборона города становилась каторгой. Дикари, хоть и несли потери, не отступали, штурмуя

дважды на дню. Вэй Ле, привыкший к такому накалу на границе, не уставал, и дух в солдатах не угасал. Но защитники стен день ото дня выматывались всё больше, раненых прибывало.

Все держались из последних сил, смены были редки и коротки. Некоторые бойцы, дождавшись своей очереди отдохнуть, засыпали на ходу, и их сносили со стен на руках. Стены покрылись белыми и красными пятнами — это снег и кровь, превратившаяся в лёд. В такую погоду любая, даже самая горячая кровь — вражеская ли, своя ли — остывала за миг, холодная и беспощадная. Раны заживали плохо: на холоде не гноились, зато могли обморозиться, и без должного ухода состояние ухудшалось. Заснёшь в забытьи, не укутаешься — и беда, замёрзнешь насмерть недолго. У ворот места мало, палаток не поставишь, и солдаты, кто поближе жил, шли домой, а кто далеко... Окружные лавки и простой народ с готовностью пускали их к себе, давая приют уставшим и больным. У кого жена была, та хлопотала, у кого мать старая — та заботилась, а к кому и пристроиться некуда — народ сам засучивал рукава и помогал.

Дун Чжунчэн больше не собирал отряды для обороны. Он распахнул свои кладовые с лекарствами, снова и снова распределяя запасы — где чего не хватает, где какой травы больше надо, всё держал в уме. Лекарства прерываться не должны. А его семья, Лю из Цзююаня, как всегда в трудную минуту, не осталась в стороне: деньги, зерно, люди — всё отдавали, лишь бы каждый, как ни занят, как ни забеган, хоть чашку горячей, густой, сладкой каши получил.

Весь город не знал покоя, каждый трудился как мог. Как ни тяжело, как ни измотаны — в глазах у всех горел светлый огонь. Не отчаяние то было и не покорность судьбе, а стойкость и надежда.

Далеко-далеко, на западе, Мэн Цэ прикончил последних дикарей, швырнул на землю свою длинную саблю, рубящую коня:

— Наконец-то покончили.

Споро умылся, переоделся, взвалил саблю на плечо и направился к коню.

Телохранитель Чжэн Ши остолбенел:

— Ваше высочество не отдыхаете?.. Куда изволите?

Мэн Цэ покосился на него:

— Сам подумай.

— Но битва только отгремела, кругом ещё шляются раненые да мародёры...

— Тысячи воинов меня не одолели, а горстка беглецов что сделает?

Мэн Цэ слушать не стал, вскочил в седло и помчался прочь. Не успел далеко отъехать, как из груди тел поднялся дикарь, пытаясь нанести удар исподтишка.

— Прочь с дороги! За братом еду, домой к празднику, некогда с тобой возиться!

Князь Гуцзана взмахнул саблей — и голова врага отлетела прочь, кровь брызнула фонтаном.

Чжэн Ши и глазом моргнуть не успел, как собрал людей и помчался вдогонку за господином.

А на северной границе, на высокогорье, из дремучего леса вырвался человек — взгляд

пылающий, стать несгибаемая. Он мчался напрямик к Цзююаню.

Гу Тин, жди меня!

В той битве пало много своих и чужих.

У Цзююаня не было подмоги, но и у дикарей её не имелось. Отступить никто не собирался, и в долгой перспективе это было невыгодно именно дикарям. Войско Стражей Севера — не один Хо Янь, в любой момент могла подойти помощь. Чем дольше они медлили, тем вернее рисковали угодить в капкан и быть перебитыми. Даже по численности — их было больше, чем защитников города, но против любого подкрепления они — пыль.

Наступали сумерки, а дикари не только не отходили, но и бились всё яростнее, словно решили выложиться в последнем порыве — взять город одним ударом. Овладей они Цзююанем — и стали бы обороняться, а это куда сподручнее, чем штурмовать, когда к осаждённому идёт помощь. Вэй Ле, разумеется, не позволил бы такому случиться и сам возглавил отчаянную контратаку.

Это было противоборство воли и духа. После нескольких дней непрерывных боёв все выбились из сил. У иных лучников руки дрожали, натягивая тетиву. Ран на Вэй Ле прибавилось, у наставника Линя рука была туго перебинтована. Даже Гу Тин, на стены не поднимавшийся, так извёлся, что губы потрескались. А в резиденции и вовсе — все до единого, затаив дыхание, ждали вестей.

Хо Цзе, под присмотром сестры Хо Юэ, сидел дома. На сей раз не капризничал, слушался Гу Тина, с коротким мечом в руках исправно охранял бабушку и сестру.

Вдовствующая княгиня уже могла сидеть, но силы её были на исходе. Её старались не тревожить дурными вестями, но разве могла она не знать? Прожив долгую жизнь, она не раз видела подобное. Дед пал на поле боя, муж пал на поле боя, сын пал на поле боя, а теперь и внук — жив ли, нет ли... Сердце её обливалось кровью, но она знала: эти тревоги сейчас всего менее уместны. Она знала, что нужно делать, что предпринять. Ей надлежало держаться стойко, чтобы и другие обрели твёрдость.

<http://bllate.org/book/16279/1466274>